

Политика России в отношении китайских иммигрантов в период Первой мировой войны

Александр Хохлов

Russia's policy towards Chinese immigrants during the First World War
Alexander Khokhlov (Institut of Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Вскоре после начала Первой мировой войны российские центральные и местные власти приняли ряд превентивных мер по удалению из прифронтовых зон нежелательных элементов, в том числе китайских подданных – лиц без определённых занятий и мелких торговцев, чаще всего занятых розничной продажей галантерейных товаров. Благодаря частым поездкам по территории Сибири и Европейской части России китайские торговцы в результате контактов с местным населением легко получали разнообразную информацию, полезную как для сотрудников Китайской дипломатической миссии в Петрограде, так и для вражеской (главным образом германской) агентуры. Неудивительно, что эти «коммерсанты» часто становились объектом задержания со стороны российской полиции, иногда усматривавшей в их странных разъездах и действиях некоторые черты шпионажа, обычного явления в периоды межгосударственных военных конфликтов.

С учётом нейтралитета Китая в войне России с кайзеровской Германией¹ товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский 17 августа 1914 г. направил всем российским губернаторам и градоначальникам телеграмму с просьбой, чтобы «задержанные [полицией] китайцы, не подозреваемые в шпионаже, немедленно освобождались из мест заключения... и... направлялись на родину с проходным листом»². К 21 августа Департамент полиции МВД, касаясь порядка депортации китайских подданных в связи с начавшейся войной, сообщал в 4-й Политический отдел МИД: «Китайцы подлежат высылке на родину по проходным свидетельствам, причём в случае отсутствия средств... им могут быть выданы удостоверения на бесплатный проезд по железной дороге. Что касается... избличённых в шпионстве, то такие... будут высылаться этапным порядком»³. В результате уже 22 августа на Дальний Восток из российской столицы были отправлены 114 китайцев⁴.

Показательным в этом плане стал и изданный командующим 6-й армией приказ, в силу которого «китайцы – торговцы в разнос подлежали безотлага-

© 2015 г. А.Н. Хохлов

¹ Об объявлении республиканским Китаем нейтралитета в начавшейся Первой мировой войне в МИД России узнали из секретной телеграммы от 25 июля/6 августа 1914 г., отправленной поверенным в делах в Пекине В.В. Граве. Ссылаясь на текст декрета китайского президента Юань Шикая, дипломат сообщил: «Параграфом 12-м декрета оговаривается, что иностранные войска, охраняющие ж.д. Пекин – Шанхайгуань, и отряды при миссиях и консульствах не могут вмешиваться в происходящие ныне военные действия. В противном случае Китай может задерживать их и разоружить до окончания войны» (АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1914, д. 98, т. 1, л. 83).

² Там же, ф. Китайский стол, 1914–1915, д. 3330, л. 12.

³ Там же, л. 10.

⁴ Там же, л. 17.

тельной высылке из мест, близко прилегающих к театру военных действий и из полосы отчуждения железных дорог, в частности из Петрограда»⁵. Тогда владивостокская газета «Далёкая окраина» писала: «На днях петроградским градоначальником отдано распоряжение о выселении из Петрограда всех, прибывающих сюда китайцев... разъяснено, что высылке из столицы подлежат только... торговцы в разнос и лица, не имеющие определённых занятий. Работавшие же на оборону китайцы, [постоянно] живущие в столице, высылке не подлежат»⁶.

14 сентября 1914 г. в связи с запросом китайской дипломатической миссии в Петрограде относительно задержания местной полицией подданных Китая в разных городах Российской империи Департамент полиции МВД сообщил в МИД о том, что 28 сидевших в казанской тюрьме китайцев отправили на родину, а 19 (с отобранными у них в Риге паспортами) направили из Пскова в Оренбург, откуда их по подозрению в шпионаже перевели в Верхнеуральск⁷. В октябре пятерых китайцев-торговцев задержали в Майкопе (Кубанская обл.) и затем выслали в Царевококшайск (Казанская губ.). Этих людей освободят только в результате рассмотрения ходатайства перед китайской дипломатической миссией (от 22 апреля 1916 г.) проживавшего в Москве подданного Китая Ян Фуина⁸.

12 ноября 1914 г. в китайском посольстве в Петрограде получили телеграмму, отправленную девятью китайцами из Малмалыжа (Вятская губ.): «Просим обратиться к русскому правительству о разрешении [нам] выезда в Китай или Москву. Паспорта [у нас] отобраны, торговли нет, голодаем». После обращения китайских дипломатов в МИД России по поводу полученного ими письма местные власти 30 декабря 1914 г. снабдили мелких торгашей-китайцев проходными свидетельствами для проезда на их родину через Сибирь до Кяхты⁹.

Судя по жалобам, ставших известными дипломатической миссии Китая в Петрограде, полицейские в случае высылки задержанных ими китайцев – мелких торговцев иногда требовали от них денег для их же депортации. По поводу подобной практики 9 августа 1914 г. 4-й Политический отдел МИД обратился с запросом в Департамент полиции: «Пребывающий здесь китайский посланник неоднократно обращался в МИД с жалобами по поводу тех [используемых полицией] способов, коими осуществляется на практике мера по выдворению из С[анкт]-Петербурга бродячих китайцев-торговцев... из слов посланника видно, что с китайских подрядчиков, у которых служили мелкие и в большинстве своём неимущие уличные торговцы, взыскивались деньги на отправку последних на родину. Кроме того, в настоящее время русской полицией уже содержится в течение нескольких дней в отведённых для сей цели помещениях на [ул.] Шпалерной и Вознесенском проспекте партия неимущих китайцев в числе около 140 чел[овек], которым посланник принуждён платить деньги на их пропитание, причём наша полиция заявила китайской дипмиссии о необходимости внести деньги в оплату сказанных [арендованных ею] помещений»¹⁰.

⁵ Там же, л. 171.

⁶ Далёкая окраина. 1916. 13 ноября.

⁷ АВПРИ. ф. Китайский стол, 1914–1915, д. 3330, л. 22, 26.

⁸ Там же, л. 160–161.

⁹ Там же, л. 63.

¹⁰ Там же, л. 4.

Иногда под арестом местной полиции оказывались приказчики крупных китайских купцов, нередко посылавших своих помощников в различные города Европейской России для мелочной торговли «в разнос». Так случилось, в частности, с пятью приказчиками известного в Москве китайского купца Фу Чайцзэна, которых (с товаром на 6 тыс. руб.) из Симферополя выслали в г. Кологрив Костромской губ., несмотря на весьма положительный отзыв об их московском хозяине, данный фирмой «Ф. и А. Фёдоровы»¹¹.

В поисках подозрительных для безопасности России элементов полиция порой задерживала и отправляла в отдалённые места китайцев, никак не связанных со сбором сведений для германской разведки. Об этом свидетельствует направленное 15 сентября 1915 г. китайскому консулу в Петрограде письмо подданного Китая Гао Тинчжэна, временно проживавшего в Царевококшайске, с просьбой помочь в его освобождении: «В 1914 г. в октябре... я со своим семейством, состоящим из жены и двух малолетних детей, гастролировал в цирке в Темиргаевской станице Кубанской области, где по военным обстоятельствам был лишён свободы и административным порядком выслан в г. Царевококшайск... Я – артист-фокусник и только этим зарабатываю на своё существование. Мне от роду 51 год, а прожил я в России 17 лет, и за это время мною не было никакой вины». Китайский артист (которого в России называли Михаилом Фёдоровичем) помимо пособия просил освободить его и от надзора, «дабы дать семейству и себе кусок хлеба» (что и было выполнено российскими властями)¹².

Иное судебное решение последовало в отношении китайца Бао Синтяня, арестованного 18 марта 1915 г. в Выборге, где, по его словам, он находился «с целью продажи своих изделий из камня». Сначала его посадили в петроградскую пересылочную тюрьму, а впоследствии, 9 июля, отправили в Харбин¹³. Газета «Свет» сообщила о высылке в тот же город большой группы китайцев, которые, торгуя шёлковыми тканями московских фабрик, заверяли покупателей, что их шёлк – китайский. Объяснялись и причины их высылки с проходным свидетельством (согласно решению градоначальника генерала А.Н. Оболенского): «Как было установлено сыскальной полицией, в Петроград в течение короткого времени прибыло более 157 китайцев с жёнами и детьми. Жили они... в доме № 6 по Загородному проспекту, где квартиру снимал китаец Ли Хуннян. Все товары... приобрели в Москве из магазинов Морозова, Фёдорова, Глуховской мануфактуры, а также у китайцев Чи Фэнцзи и Ху Пэйго»¹⁴. Ввиду того, что эти продавцы обманывали покупателей, 29 ноября московский градоначальник распорядился их выслать с отправкой на родину – в Харбин. Туда же следовало вернуть после задержания в пути и ожидаемую в Петрограде очередную партию китайцев-коммерсантов в 100 человек¹⁵.

В письме начальника штаба Петроградского военного округа (ВО) от 23 июня 1917 г., направленном в Правовой департамент МИД, отмечалось: «За последнее время на улицах Петрограда, его окрестностях... замечается огромное количество бродячих китайцев, не имеющих определённых занятий,

¹¹ Там же, л. 36–37.

¹² Там же, л. 143а.

¹³ Там же, л. 132.

¹⁴ Свет. 1915. 1 декабря. С. 1.

¹⁵ Новое время. 1915 г. № 14270, 30 ноября/14 декабря. С. 4.

фокусников или торгующих в разнос бумажными или галантерейными товарами... были случаи задержания китайцев – [мелких] торговцев – в различных [других] округах при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что они занимаются разведкой в пользу Германии. Необходимо при этом отметить, что иные из них, не говоря ни на одном из европейских языков, объяснялись, хотя и с трудом, на немецком языке. При обследовании проживавших в Петрограде китайцев оказалось, что некоторые из них значились прибывшими из Германии, а некоторые – выбывшими туда»¹⁶.

Особые трудности возникли при решении проблем с китайскими торговцами, осевшими в Амурской обл. Об этом свидетельствует, например, попытка выселения на родину китайца Шу Дахая, отправившего в Петербург телеграмму (получена 26 июля 1915 г.) с просьбой поддержать его ходатайство перед министром внутренних дел, чтобы «отменить распоряжение приамурского генерал-губернатора [Н.Л. Гондатти] о его выселении из г. Николаевска-на-Амуре до 15 августа 1915 г.». В этой телеграмме китайский коммерсант писал: «Живу [в] городе 18 лет, женат, трое детей... Занимаясь подрядами, имею дома стоимостью [в] 10 тыс. руб. Ликвидация дел теперь разорит меня, разобьет мою семью. Если нельзя оставить [меня] в городе, просьба дать срок, [чтобы] ликвидировать дела в конце войны». По этому поводу 24 августа 1915 г. Гондатти (из Хабаровска) сообщил в МИД: «Имеющиеся сведения о Шу Дахае для него самые неблагоприятные. Сахалинский губернатор, признавая его *порочным иностранцем* (здесь и далее курсив мой. – А.Х.), летом 1914 г. решил выселить его. По просьбе Шу Дахая я дал ему более двух месяцев для ликвидации имущества, и он с одним из последних пароходов осенью прошлого года выехал из Николаевска. Теперь... просит разрешить ему вновь приехать в Николаевск для продолжения ликвидации дел. Ему разрешено приехать на один месяц. На этих днях я буду в Николаевске и там сам разберу это дело»¹⁷. В связи с этим весьма примечательна и полученная Гондатти телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова от 18 августа: «*Китайское правительство в настоящей войне соблюдает дружественный нам нейтралитет, чему мы в значительной степени обязаны соблюдению [им] безопасности КВЖД... Думаю, что к высылкам китайцев [из России] можно прибегать только в случаях действительной необходимости*»¹⁸.

24 декабря 1915 г. МИД обратилось в Департамент полиции МВД со следующим письмом: «Китайская [дипломатическая] миссия уведомила МИД, что, согласно имеющимся у неё сведениям, 7 китайских подданных содержатся, начиная с прошлого [1914] года, в заключении в деревне Инкино, почтовое отделение Колпашево Томской губернии». Согласно указанию, сделанному томскому губернатору, китайцев освободили и отправили на родину»¹⁹.

21 октября и 28 декабря 1916 г. главный начальник Петроградского ВО издал новые приказы, согласно которым выселению из пределов округа на родину подлежали все китайцы – торговцы «в разнос» и лица без определённых занятий (как и бродяги). Желая избежать в столице новых жалоб китайских дипломатов на действия российской полиции, глава внешнеполитического ведомства А.А. Нератов отправил в Харбин для передачи российскому посланнику в Пе-

¹⁶ АВПРИ, ф. Китайский стол, 1914–1915, д. 3330, л. 171.

¹⁷ Там же, л. 125.

¹⁸ Там же, л. 126.

¹⁹ Там же, л. 149.

кине кн. Н.А. Кудашеву²⁰ телеграмму: «Ввиду принятых с начала войны нашей полицией мер к задержанию бродячих торговцев-китайцев и постоянных недо-разумений на этой почве, не признаете ли нужным снабдить наших консулов указаниями, предписывающими необходимость разяснять при визировании китайских паспортов, что сказанный бродячий промысел запрещён в России и уличённые в нём китайцы задерживаются и высылаются на родину»²¹.

В начале войны в связи с массовой мобилизацией мужского трудоспособного населения в действующую армию в России возникла проблема нехватки рабочей силы на государственных и частных предприятиях, а также на транспорте. Так, в августе 1914 г. один из ведущих инженеров Минусинского горного округа, руководивший работами по прокладке железной дороги, соединявшей Ачинск с Минусинском, предложил енисейскому губернатору привлечь к земляным работам китайцев²². Этот вопрос оказался особенно актуальным для администрации казённых военно-промышленных объектов, наиболее тесно связанных со строительством оборонительных сооружений. О настоятельной потребности в дополнительной рабочей силе предприятий, работавших для фронта, было заявлено на состоявшемся 12 октября 1915 г. совещании пермского губернатора. Его участники пришли к выводу о том, что каменноугольные копи Урала при имевшемся дефиците работников смогут удовлетворить потребности этих предприятий лишь на 60%. Для восполнения недостающей рабочей силы оказались нужны не только опытные квалифицированные рабочие кадры, но и масса подсобных рабочих – землекопов, лесорубов и обычных чернорабочих. Для пополнения трудовых резервов российское правительство решило воспользоваться китайцами путём контрактации их в пределах Маньчжурии. По этому поводу министр внутренних дел Н.А. Маклаков сообщал Гондатти: «Совет министров находит возможным применение труда китайцев в Сибири и восточной России до Волги. Действующим законом это не воспрещено, причём прежние ограничения [в виде “Паспортных стеснений”] Совет признаёт излишними»²³.

Основной причиной добровольной контрактации китайцев на работы в России чаще всего служило их бедственное материальное положение, усугублявшееся частыми стихийными бедствиями, которые лишали трудолюбивых тружеников последней возможности заработать на скудное, полуголодное существование. Жуткое впечатление на иностранцев произвело в начале 1915 г. зрелище сложенных в кучи 600 замёрзших бездомных китайцев в г. Чанчуне.

²⁰ Кудашев Николай Александрович (1868–1921), российский дипломат, родом из дворян, выпускник Санкт-Петербургского университета. После пребывания в Константинополе (с 1893 г.) в качестве второго секретаря (в чине надворного советника) 1/14 ноября 1901 г. он занял должность первого секретаря российского посольства в Токио. В 1905 г. вновь направлен в Константинополь помощником первого секретаря посольства, в следующем году – первый секретарь российского посольства в Вашингтоне, с 1908 г. вновь назначен в Константинополь, но вторым секретарём посольства, с 1912 г. советник российского посольства в Вене. В начале Первой мировой войны служил в Дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего России, с апреля 1916 г. до конца 1920 г. (когда сентябрьским указом китайского президента Сюй Шичана были официально закрыты все дипломатические представительства бывшей царской России) – глава Российской дипломатической миссии в Пекине (АВПРИ, ф. 324, д. 49, ч. 2, л. 83). Оставив китайскую столицу, российский дипломат уехал в США, где вскоре скончался.

²¹ Там же, ф. Китайский стол, 1914–1915, д. 3330, л. 114.

²² Только в Азиатской части России к этому времени проживали 25 тыс. китайцев (Харбинский вестник. 1914. 7 марта. С. 2).

²³ ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство. 1914 г., оп. 71, д. 159, л. 13.

По подсчётам китайских газет, из-за необычных холодов в течение двух первых месяцев года в разных городах Маньчжурии замёрзли до 6 тыс. безработных китайцев²⁴.

О первоначальной численности китайских рабочих, приехавших по найму на промышленные предприятия Урала, позволяет судить такой факт, отражённый в нескольких газетах: на уральских заводах и других промышленных предприятиях трудились до 7 тыс. китайцев; они работали ещё с осени в Кизеловском горном округе у князя Абамелик-Лазарева, на копиях и заводах в Кизеле, Половинке, Губах и Чусовой, на Верхне-Исетских горных механических заводах, в Обществе Кыштымских горных заводов и на заводах Камского общества. Труд китайских рабочих наиболее широко и эффективно использовался в железнодорожном строительстве. 3 июня 1916 г. в «Далёкой окраине» сообщалось об условиях найма 1 тыс. китайцев для строившейся железной дороги Волхов–Рыбинск. В том же году с помощью законтрактованных китайцев, а также немногочисленных корейцев осуществлялось строительство и Мурманской железной дороги.

Особенно активно применялся труд китайских рабочих на русском Дальнем Востоке и в Забайкалье (согласно данным января 1916 г.): «На Амурской ж. д. жёлтый труд запрещён, но и там имеется 3.4% китайцев. На Забайкальской ж. д. на 18 380 работающих граждан приходится 2 080 китайцев, что составляет 11.3%... Резкий скачок вверх процента китайских рабочих наблюдается в забайкальской золотопромышленности. На приисках, расположенных вблизи Нерчинска, Нерчинского завода и Читы, на 8 280 всех занятых рабочих приходится 6 100 китайцев, или 74.8%. На приисках же, расположенных на окраинах Забайкалья: Карийских, Хорогочинских, Амазар-Урюмских и Горбиченских (в районе р. Шилки и Амурской ж.д.), а также в Баргузинской тайге на 11 100 всех рабочих китайцев приходится 9 990, или 90%... Летом 1914 г., т.е. до войны... китайцев в золотопромышленности... в среднем по всем приискам [насчитывалось] 80%»²⁵.

С учётом специфики добычи золота в ноябре 1916 г. были приняты новые правила допуска китайских рабочих на золотые прииски Приамурья, предусматривавшие визирование их национальных паспортов в случае поездок в Россию: «1) Рабочие-китайцы, прибывающие в Приамурье, должны иметь визированные национальные паспорта. 2) Визировка китайских национальных паспортов, принадлежащих рабочим-китайцам, нанятым на золотые промыслы, может быть произведена российскими консульскими учреждениями по представлению золотопромышленными предприятиями списков указанных паспортов с приложением таковых. После визирования паспорта выдаются доверенному [лицу] предприятия. 3) При переходе китайца через русскую границу за регистрацию национального паспорта взыскивается 30 коп. 4) В течение 6 месяцев со дня перехода границы китайцы обязаны выбрать годовой русский билет с уплатою за него 5 руб. После этого срока с китайца на общих основаниях взыскивается за русский билет плата в двойном размере. За последующие годы проживания в пределах Приамурья приисковые рабочие-китайцы ежегодно выбирают русский билет на общих основаниях, существующих для китайских подданных, [проживающих] в Приамурье. При отправке партий нанятых рабочих-китайцев золотопромышленными предприятиями на прииски в пределах

²⁴ Новое время. 1915. № 13956, 18/31 января. С. 6.

²⁵ Забайкальское обозрение. 1916. № 3–4, 25 января.

Приамурья китайцы должны быть направляемы в сопровождении доверенного лица от предприятия по проходным свидетельствам с поименованием... всех отправляемых рабочих»²⁶.

Панорама наполнения российского рынка рабочей силой за счёт китайских иммигрантов образно изображена в статье некоего Сумского: «Сотни тысяч китайцев рассеялись по всей необъятной России, причём вербовка их велась в таких грандиозных размерах, что в дело отправки должны были вмешаться наши консулы [в Китае]. Сначала небольшой и узкий ручеек, пробираясь через Урал и Вологду, постепенно превратился в широкую и быструю реку. Этот поток уже начинает угрожать наводнением и вселяет вполне понятную тревогу, вследствие чего уже образовано междепартаментное совещание, которому поручено заняться разработкой вопроса о правильном и планомерном подвозе рабочей силы из Китая в Россию... Перевозка же каждого сына Небесной империи [ставшей в 1912 г. республикой], внутрь России обходится в 150 с лишком рублей»²⁷.

Весной 1916 г. приток китайских рабочих заметно возрос: «В настоящее время из Маньчжурии и Китая направляется в Сибирь и Европейскую часть России большое количество китайцев. В связи с этим на станции Маньчжурия оборудован санитарно-смотровой пункт на 20 тыс. рабочих». При этом в торговом порту Владивостока, куда в огромном числе прибывали китайские иммигранты из Чифу, только на выгрузке пароходов и перевалке грузов в это время ежедневно работали 2,5 тыс. рабочих, главным образом китайцев²⁸.

Большой наплыв китайских рабочих отчасти определялся ростом направляемых в Маньчжурию и Северный Китай заявок российских предпринимателей на рабочую силу. Об этом свидетельствует, например, донесение от 13 июня 1916 г. российского генерального консула в Харбине В.В. Траутшольда²⁹, сообщавшего одновременно в Петроград и Пекин: «Во Владивостокском бюро по рабочему вопросу уже поступили спешные правительственные заказы от Министерства земледелия на 4 тыс. китайцев и от Самаро-Златоустовской ж.д. на 2 тыс. рабочих»³⁰. Чтобы обеспечить интересы казны гарантированным получением дешёвой рабочей силы в конкурентной борьбе с частными предпринимателями, «министр финансов обратился к управляющему канцелярией

²⁶ Далёкая окраина. 1916. 12 ноября.

²⁷ Там же. 6 ноября.

²⁸ Там же. 8 мая; 4 мая.

²⁹ Траутшольд Вильгельм Вильгельмович, российский дипломат лютеранского вероисповедания, родился 11 ноября 1887 г. в Санкт-Петербурге в купеческой семье. Среднее образование получил в немецком училище св. Петра. По окончании Санкт-Петербургского университета 17 января 1900 г. поступил на службу в МИД, где был причислен к 1-му Департаменту. 16 марта 1901 г. определён студентом при Российской дипломатической миссии в Японии. В 1903 г. управлял вице-консульством в Хакодате, 19 мая 1904 г. командирован в распоряжение царского наместника на Дальнем Востоке вице-адмирала В.И. Алексеева. В 1905 г. (и в 1906 г.) и.о. секретаря и управляющего российского генконсульства в Бангкоке, 22 декабря 1905 г. вице-консул в Хакодате, в 1908 и 1909 г. управлял консульством в г. Дальнем. В 1910 г., будучи прикомандирован к 1-му Департаменту, отправился по консульским делам в Гонконг и Хакодате. 7 мая 1912 г. вновь назначен консулом в г. Дальний, а 11 сентября 1913 г. командирован в Харбин для управления генконсульством, с 23 сентября того же года генеральный консул в Харбине (до 1917 г.). В связи с затруднениями, возникшими у русских эмигрантов на Гавайях, Траутшольда, вернувшегося в Петроград на время отпуска в июле 1917 г. (с получением согласия американского правительства принять его в качестве вице-консула), командировали в Гонолулу (АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 713, б/г., д. 322, л. 5; ф. Китайский стол, оп. 491, 1913–1917, д. 1927, л. 31–32).

³⁰ Там же, ф. 133, оп. 470, 1916, д. 34, л. 74.

Совета министров И.Н. Ладыженскому с письмом, в котором предложил объединить усилия всех организаций, занимавшихся доставкой в Россию китайских рабочих, в одном месте – Управлении КВЖД»³¹. Реальным результатом такого предложения стало появление правил вербовки китайцев при посредстве КВЖД³², направленных Кудашеву в виде секретной телеграммы от 7 сентября 1916 г.: «Правила... которые будут Вам высланы вализой, не создают монополии вербовки в пользу названного Управления, но обеспечивают значительные льготы партиям рабочих, намеренных при его посредничестве. Чтобы воспользоваться этими льготами, находящимся на месте доверенным [лицам] разных предприятий, желающим пригласить [на работу в России] китайских рабочих, придётся обратиться к Управлению КВЖД, которое, однако, будет не контрагентом, а лишь посредником. Предполагается, что местный опыт агентов КВЖД даст им возможность устранить возникающие затруднения, основанные на взаимном непонимании вербующих и вербуемых рабочих»³³. Об упомянутых правилах дают представление «Харьковские губернские ведомости»: «1. Применение труда рабочих “жёлтой расы” допускается на основании сих правил в местностях [Российской] империи, расположенных к западу от оз. Байкал, за исключением района военных действий. 2. Организация и надзор за наймом рабочих-китайцев для нужд правительственных и общественных организаций, а равно для частных предприятий общепользовного значения, возлагаются на Управление КВЖД»³⁴.

Согласно новым правилам найма китайцев для работы в России, всякий желающий отправиться туда получал от местного китайского дипломатического представительства при КВЖД свидетельство (с указанием места назначения в России и его фотокарточкой), которое подлежало регистрации в российском консульстве. Иллюстрацией тому служит свидетельство, выданное 12 апреля 1916 г. китайским дипломатическим агентством («цзяо-шэ-цзюй») провинции Хэйлунцзян «китайскому подданному – рабочему 45 лет Ма Синсаню, отправляющемуся в пределы [Российской] империи в г. Читу, согласно его просьбе, с представлением фотографической карточки в двух экземплярах. 1-й экз[емпляр] хранится в делах бюро [агентства], а другой, засвидетельствованный приложением казённой печати, приклеен к настоящему свидетельству. В случае предъявления свидетельства без карточки или не в том месте, где оно указано в начале [текста], таковое считается недействительным. В удостоверение его выдано сие за надлежащим подписом и приложением казённой печати, с просьбою чинить китайскому подданному-рабочему свободный пропуск и покровительство. Свидетельство действительно на срок один год»³⁵. Иногда в подобных свидетельствах для придания большей важности китайские чинов-

³¹ Далёкая окраина. 1916. 6 сентября.

³² Из-за отсутствия единых правил найма китайских рабочих (до января 1916 г.) контракты с ними на первых порах заключались россиянами – доверенными лицами того или иного предприятия с представителями китайской стороны при содействии сотрудников российской консульской службы, вступавших в контакт с китайскими чиновниками, которые работали в провинциальных дипломатических бюро, специально созданных при КВЖД.

³³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 33, л. 124.

³⁴ Харьковские губернские ведомости. 1916. 10 декабря.

³⁵ Ниже российский вице-консул дописал: «Китайский подданный Ма Синсань состоит в китайском подданстве со дня рождения и отправляется в Россию в качестве чернорабочего... Явлено в имп[ераторском] Российском вице-консульстве в Хайларе для проезда в Читу» (АВПРИ, ф. Консульство в Харбине, оп. 818/1, 1915–1916, д. 195, л. 2).

ники «цзяо-шэ-цзюй» указывали: «Того ради председатель Главного железнодорожного дипломатического бюро провинции Хэйлунцзян в Харбине просит российские власти не отказать предъявителю сего свидетельства по прибытии его в Россию в законном содействии и помощи согласно существующих трактатов между Китаем и Россией и во имя дружественных отношений этих двух держав». Такая приписка сделана, например, к свидетельству, выданному китайцу Чжу Юнцяо, отправившемуся в мае 1916 г. в Томскую губ.³⁶

Из-за отсутствия опыта у россиян (доверенных лиц предпринимателей) в соблюдении форм общения с китайской администрацией при переговорах о найме рабочей силы порой возникали серьезные проблемы, отчасти объясняемые незнанием ими китайской действительности, особенно принятых в Китае обычаев и правил деловых контактов. На это, в частности, 1 июня 1916 г. указывал Траутшольд: «В дополнение к донесению моему от 4 марта с.г. за № 102 о найме китайских рабочих в Россию на наши промышленные предприятия, работающие для нужд обороны государства, имею честь донести 4-му Отделу, что наладившееся было столь важное дело восполнения недостающих рук [китайскими рабочими] в последнее время снова начинает встречать противодействие со стороны китайцев, исходящее на этот раз уже не из Пекина, а от китайского посланника в Петрограде Лю Цзиньжэня³⁷, который, по имеющимся в генконсульстве сведениям, являясь ярым противником отправки в наши пределы китайцев-рабочих, представил в Вайцзяобу [МИД Китайской Республики] секретный доклад о том, *что все китайские рабочие, уже прибывшие на русские заводы, были использованы нами для военных нужд, и что дальнейшая отправка китайских рабочих является прямым нарушением нейтралитета Китая и вызовет репрессии со стороны воюющих с нами центральных [главных] держав...* Подобные доклады [китайского] посланника вызвали соответствующие инструкции Вайцзяобу [не только] харбинским даотаям [высшим чиновникам края], которые, боясь ответственности, стали снова обуславливать выдачу паспортов китайским рабочим представлением в [дипломатические] Бюро [при КВЖД] (цзяошэцзюй) договоров и учреждением таковых же в Пекине. Чтобы согласовать договоры с требованиями из Пекина, Главное Бюро настаивает на включении целого ряда неприемлемых [для нас] статей, например: 1) чтобы останки умерших доставлялись [нами] на родину, 2) [предоставления] гарантий, что китайские рабочие пользуются защитой русского закона, 3) что для них не будет [нами] издано особых законоположений, 4) в случае ареста китайского рабочего следует приглашать китайского консула или коммерческого агента и т.п., генконсульство решительно отказывается свидетельствовать договоры с такими требованиями, клонящимися не более и не менее к введению в России для китайцев экстерриториальности и смешанного суда (подобно существовавшему в Шанхае. — А.Х.), и постоянно настаивает, чтобы выдача паспортов производилась свободно и не задерживалась вопросом о редакции договоров... Другим тормозом важного для нас дела, к сожалению, следует отчасти признать поведение самих нанимателей и развившуюся среди них

³⁶ Там же, л. 3.

³⁷ В вопросе назначения Лю Цзиньжэня посланником Китайской Республики наглядно проявилась позиция царской России в непризнании нового правительства Юань Шикая (подробнее см.: Там же, ф. Китайский стол, оп. 491, 1912, д. 136, л. 354; Хохлов А.Н. Позиция царской России в вопросе признания Китайской Республики в 1911–1913 гг. // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. М., 2013. С. 109–125).

[нездоровую] конкуренцию. В Харбин в последнее время приехало много доверенных лиц от разных учреждений, предприятий и правлений железных дорог с целью найма китайских рабочих. Среди них есть люди опытные и знакомые с Дальним Востоком и китайскими порядками, но в большинстве случаев это люди, совершенно не понимающие местных условий и не желающие считаться с тем, что нанимают они рабочих [не у себя дома, а] в другом государстве. Бывали случаи, когда такие лица в категорической и грубой форме требовали от китайских властей выдать паспорта законтрактованным рабочим, а потом недоумевали, когда, обратившись в генконсульство, получали разъяснение, что выдача паспортов зависит от китайских властей и обставлена рядом формальностей, которые необходимо выполнить... В редактировании предъявляемых на утверждение китайских властей договоров с подрядчиками также часто не соблюдается должная осторожность... Инженеры [Министерства] путей сообщения, нанимающие рабочих для строительства стратегически важных дорог тыла, ходят в Харбине в походной форме с погонами и при шашках... было бы желательно установить, в качестве обязательного правила, чтобы все без исключения уполномоченные [доверенные лица] являлись в генконсульство и в деле найма китайских рабочих строго подчинялись его указаниям»³⁸.

Разумеется, в заключавшиеся частными предпринимателями договоры порой включались правила, отчасти ущемлявшие права китайцев в сравнении с рабочими-россиянами. Так, касаясь содержания договора о найме, заключённого в июле 1916 г. в Харбине доверенным тобольского купца Д. с артелью (в 50 человек) китайских каменщиков для работ на одном частном заводе в Пермской губ., газета «Далёкая окраина» отмечала: «В китайские праздники китайцы-рабочие были вправе не работать, но не более 10 дней [в году]»... За побег или самовольное оставление работы кем-либо из артели, оставшиеся китайцы возмещали нанимателю все его расходы по доставке, провозу, прокормлению, исходатайствованию пропусков и паспортов, освидетельствованию, фотографированию и прочему полностью, предоставляя право [нанимателю] требовать от конторы завода вычета этих сумм из их заработанной платы»³⁹.

Гораздо больше страдали китайские рабочие от издевательств своих нанимателей-подрядчиков. Это видно на примере обращения преподавателя китайского языка (учреждённой в Петербурге в 1909 г. Восточной практической академии) Чжан Юйчуана к члену Временного правительства министру Н.В. Некрасову с просьбой обратить серьёзное внимание на бедственное положение пришедших китайских рабочих, скопившихся в Петрограде и живших в ужасных условиях. Как отмечалось в прошении, русские инженеры и их помощники китайцев не обижали, но их ужасно истязали китайские подрядчики, которым активно помогали солдаты, привезённые ими из Китая. На линиях подъездных путей, указывалось в прошении китайского преподавателя, «при постройках было убито немало жёлтых рабочих, но и они не остались в долгу. На одной дороге 300 возмущённых рабочих из мести повесили избличённого в жестокостях старшину»⁴⁰.

О негативном влиянии избыточной массы китайской рабочей силы на положение рабочих-россиян неоднократно писала российская сибирская пресса, на

³⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 34, л. 72–73.

³⁹ Далёкая окраина. 1916. 19 ноября.

⁴⁰ Новое время. 1917. № 14768, 4/17 мая. С. 6.

что не могли не реагировать и столичные органы печати: «По словам “Сибири” (газеты, выходившей в Томске. – А.Х.) в иркутском городском полицейском управлении наблюдается громадный наплыв рабочих-китайцев, являющихся туда для замены своих заграничных паспортов на русские. Китайцы эти следуют из Маньчжурии преимущественно на олекминские-копыловские золотые прииски, где, по словам многих китайцев и корейцев, в предыдущем году были хорошие заработки. Число рабочих-корейцев достигло там, по рассказам очевидцев, 4 тыс. человек, а китайцев – до тысячи человек»⁴¹. На юг Европейской России также следовала огромная масса китайских рабочих (из провинции Шаньдун) через Харбин, из которого 15 августа в Россию с разрешения китайского правительства предполагалось отправить новый контингент рабочих в 50 тыс. человек⁴².

Оставив работу у предпринимателя (по болезни или другой причине), китаец, не найдя других вариантов трудоустройства, нередко становился нищим и существовал за счёт подаваний сердобольных россиян: «В г. Екатеринбурге масса голодных, полураздетых китайцев, просящих милостыню. Это – беглецы с уральских заводов и приисков. Они были выписаны промышленниками с целью создать противовес требованиям местных рабочих о повышении заработной платы. Условия труда и жизни на заводах и приисках оказались для китайцев неподходящими, и они массами бегут от [тяжёлых] работ»⁴³.

Иногда при оформлении найма китайского рабочего, едущего в Россию на заработки, в документе-свидетельстве оговаривался характер его работы. Так, в удостоверении, выданном в сентябре 1916 г. дипломатическим чиновником в Чанчуне (в должности даоина) 40-летнему Вэй Шучэну, отправлявшемуся из Маньчжурии в Смоленскую губ. для рубки дров, указывалось, что он не должен заниматься другой работой, относившейся к иной сфере производства, при этом регистрировалась его приписка к уезду Ланьшань (провинция Фэнтянь). Аналогичное удостоверение было выдано тем же чиновником 23-летнему местному рабочему Вэн Эньфу⁴⁴.

Вербовка китайских рабочих в Маньчжурии не обходилась без присвоения представителями власти на местах казённых средств, отпущенных для уезжавших за границу. О злоупотреблениях чиновников, служивших в «цзяо-шэ-цзюй» на КВЖД, 6 ноября 1916 г. (по новому ст. – А.Х.) сообщила газета «Цилинь синь-гунхэ бао»: прежний уполномоченный управления КВЖД В.В. Даниэль, прослуживший в Харбине 10 лет, отличный знаток нравов и обычаев китайского народа, «заключил контракт с драгоманом управления КВЖД Чжу Юйчэном и бывшим начальником железнодорожного дипломатического бюро («Те-лу цзяо-шэ-цзюй») в Цицикаре Чжоу Мянem. По этому договору, в пользу Чжоу Мяня и др. [за их труды] с каждого рабочего следовало удерживать по 10 руб. Жадный к наживе, Чжоу Мянь, отправившись в Чанчунь, открыл здесь товарищество (компанию) “И-чэн гунсы”, специально для вербовки». В это дело «Чжоу Мянь вовлёл бывшего чанчуньского даоина Чай Вэньтуна, получившего 200 тыс. руб. из средств, выделенных для отправляющихся в Россию китайских рабочих (на пропитание их семейств)... Когда китайское правительство... решило даоину произвести наём рабочих [для рубки леса в Смоленской губ.],

⁴¹ Там же. 1915. № 14152, 4/17 августа. С. 6.

⁴² Там же. № 14140, 23 июля/5 августа. С. 5.

⁴³ Забайкальское обозрение. 1915. № 12, 21 декабря. С. 4.

⁴⁴ АВПРИ, ф. Генконсульство в Харбине, оп. 818/1, 1915–1916, д. 195, л. 5, 7.

Чжоу Мянью везде разослал своих агентов, и таким образом 30 тыс. жизней наших единоутробных братьев были фактически загублены рукою Чжоу Мянью... В настоящее время на 6-й китайской улице в Харбине в гостинице “Фушунь-дянь” проживают обманутые китайцы-переводчики, бежавшие из России. Они намерены подать в суд на Чжоу Мянью... Вот что они говорят: “По контракту каждому рабочему... должны были ежемесячно платить по 30 руб., а переводчикам – 150 руб. Но им этого жалования на месте не только не уплатили, но даже принудили отправиться на фронт для рытья окопов и подвоза... снаряжения для русской армии... Ежедневно им давали по одному фунту четыре золотника чёрного хлеба и по два лян сахара, даже кипятку удавалось достать с трудом... Однажды [вражеская] кавалерия в 500 чел[овек] взяла в кольцо 7 тыс. рабочих и угнала их с собой. Живы ли они теперь – неизвестно. Мы же смогли убежать обратно только потому, что у нас сохранилось по 150 руб. из тех денег, которые мы получили вперёд”»⁴⁵.

Аналогичным образом (с незначительным уточнением деталей) 21 ноября 1916 г. та же газета описала положение китайских рабочих на основе сведений, полученных от другого переводчика, вернувшегося из России в Маньчжурию. По его словам, из более чем 30 тыс. китайцев, прибывших в европейскую часть страны, 20 тыс. человек находились на «театре военных действий», более 4 тыс. работали на каменноугольных копях и более 5 тыс. были заняты в строительстве железных дорог. Весьма примечательно «свидетельство второго переводчика о том, что русские предприниматели на требование китайских рабочих о выдаче им зарплаты ссылались на предварительную выплату каждому из них акционерной компанией (“И-чэн гунсы”) заработной платы за первые три месяца зарубежной командировки»⁴⁶.

Интересна реакция штаба отдельного корпуса пограничной стражи Заамурского ВО по поводу антирусской направленности подобных публикаций. Вот что говорилось об истинном организаторе враждебной России газетной кампании в одном военном харбинском издании от 10 ноября 1916 г.: «С конца октября... в некоторых китайских газетах, издающихся в Маньчжурии, стали появляться заметки и статьи, направленные против России... Особенно резко отличилась в этом отношении китайская газета “Цилинь синьгунхэ бао”, издающаяся в Гирине... В этих статьях указанная газета наряду с различными вымышленными фактами об усилении деятельности русских, якобы направленной на поглощение и полное порабощение Маньчжурии и Монголии, особенно старается обрисовать в ложном свете [положение] наёмных китайских рабочих в России и страдания, якобы претерпеваемые ими в нашей стране... Субсидирование немцами китайской прессы подтверждается полученными сведениями о том, что германский генконсул в Мукдене поручил немцу Ретгеру (по китайскому произношению Ли-дэ-ли) тайно подкупить всех находящихся в Гирине корреспондентов китайских газет для пересылки своих корреспонденций... что [якобы] русские нанимают китайских рабочих на театр военных действий для военных надобностей, и что за несогласие китайских рабочих идти на [военные] позиции русскими войсками было расстреляно 500 чел[овек]»⁴⁷.

Российский посланник в Пекине Кудашев ещё 27 июля 1916 г. в своей депеше, направленной в Петроград, сообщал по поводу сложившейся в Китае

⁴⁵ Там же, 1914–1920, д. 110, л. 90.

⁴⁶ Там же, л. 91.

⁴⁷ Там же, л. 93.

ситуации: «Дело найма китайских рабочих для наших, как казённых, так и частных, предприятий приняло такие [серьёзные] размеры и приобрело такое [важное] значение, что его удовлетворительная постановка представляется совершенно необходимой. Если при начале этого набора некоторые агенты, присланные в Китай для вербовки китайских рабочих, могли надеяться с большой лёгкостью при содействии [местных] властей или даже, обходясь без таковой, набрать на выгодных условиях для самих себя и для их предпринимателей, командировавших их сюда, нужное количество китайских рабочих, то этим надеждам было суждено скоро исчезнуть. Весть о вербовке рабочих быстро распространилась среди китайского населения, причём деятельные наши враги [германцы] не преминули заняться усиленным распространением неблагоприятных для нас слухов, большая часть коих, несмотря на явную их нелепость, была принята на веру... При этом некоторые из распространившихся таким образом слухов, к сожалению, до известной степени подтвердились лицами, видевшими те тяжёлые условия, при которых китайским кули приходится иногда работать в России. Результатом изложенного явилось то, что по мере прибытия в Северную Маньчжурию новых [российских] агентов по найму рабочих, набор последних начал встречать всё возрастающие затруднения как со стороны самих рабочих, так и со стороны местных китайских властей, а засим и Центрального правительства. Теперь дело обстоит так, что никакой контракт о найме большой партии рабочих не может быть использован без предварительного одобрения его Вайцзябу. Но даже по одобрении последним контракта при его выполнении встречаются значительные затруднения. Так, например, г-н Даниэль⁴⁸, пользующийся прекрасной репутацией в Китае, будучи командирован сюда для найма китайских рабочих, по заключении контракта о найме 20 тыс. китайских рабочих, которых его агент с Полевым строительным управлением обязаны были на вербовать в пяти пунктах Северо-Восточного Китая (в Харбине, Гирине, Аньдуне, Мукдене и Шанхайгуане), никак не может набрать в названных местах недостающих ему 14 тыс. Все его просьбы, деятельно поддержанные нашей [дипломатической] миссией, о разрешении ему набрать этих рабочих в Чифу и Тяньцзине, остались безуспешными: с одной стороны, местные власти выставляют неудобство допущения набора в одном и том же месте двумя или несколькими агентами, а с другой – центральное правительство не видит оснований давать распоряжения, идущие в разрез с отзывами местных властей... Из продолжительной беседы с г-ном Чэнь Цзинтао [и.о. министра иностранных дел] я вынес впечатление, что китайское правительство в принципе скорее сочувствует развитию отхожего промысла китайских рабочих в России, и что оно, по крайней мере, в лице Чэня, не разделяет таких нелепых опасений, которые может вызвать, например, пущенный в здешних газетах немецкими агентами слух о том, что мы пользуемся китайцами для военных целей... Я думаю, что в [голове] Чэн Цзинтао... несомненно укоренилось убеждение в необходимости обставить дело найма рабочих определёнными гарантиями... Я попросил г-на Чэня дать мне проект рабочего контракта, который мог бы служить прототипом аналогичных договоров и обеспечить деятельную помощь китайскому правительству в деле найма китайских рабочих для России. Министр ответил, что с радостью исполнит мою просьбу. *Лично мне представляется весьма важным заручиться рабочей помощью китайцев в момент временного общего паралича нашего*

⁴⁸ В.В. Даниэль, один из активных членов высшей администрации КВЖД, находившейся в ведении управляющего этой дороги.

государственного хозяйства в связи с мировой войной. Но я полагаю, что не в наших интересах допускать их беспорядочную инфильтрацию в наши пределы, т.е. проникновение, которое может иметь последствием прочное оседание китайцев в России. А потому, на мой взгляд, всё дело привлечения “жёлтого труда” должно было бы быть объединено и сосредоточено в руках [нашего] правительства, которое может непосредственно сноситься по всем связанным с этим делом вопросам с китайским правительством»⁴⁹.

Скандал с бывшим дипломатом Чжоу Мянем, пытавшимся нажиться за счёт грабежа своих соотечественников, не мог не сказаться на позиции китайского правительства, о чём позволяет судить негативная позиция Вайцзяобу, отказавшегося принять ходатайство о найме китайских рабочих для одного уральского предпринимателя, владельца угольных копей. Вот что сообщал Кудашев в МИД в секретной телеграмме (№ 540) от 6 октября 1916 г.: «По ходатайству представителя Богородского горного округа Поносова я обратился в Вайцзяобу с просьбой утвердить его договор с китайцем-подрядчиком относительно найма 3 тыс. китайцев для работы в России. Ныне я получил письменный ответ Вайцзяобу с отказом его утвердить ввиду протестов местных властей всех провинций по поводу отправки кули в Россию, основанных на имевших место серьёзных недоразумениях при их вербовке. С другой стороны, в газетах опубликован декрет об отрешении от должности чанчуньского даотая с лишением права поступать на службу в течение 8 лет за утверждение договоров о найме китайских рабочих, предложенных Даниэлем. При таких условиях было бы желательно предупредить заинтересованных лиц о бесполезности командирования в Китай уполномоченных для найма рабочих, если имп[ераторское] правительство не решится принять какие-либо меры давления на китайские власти, чтобы заставить их изменить своё отношение к настоящему вопросу»⁵⁰.

Между тем в Пекине стали известны жалобы китайских рабочих на претерпеваемые ими в России житейские тяготы. В связи с этим в китайской столице состоялся разговор Кудашева с исполняющим обязанности министра иностранных дел Китайской Республики, нашедший отражение в краткой телеграмме российского дипломата от 11 октября 1916 г.: «Последний заявил, что судьбой китайских рабочих... здесь очень обеспокоены ввиду получаемых от них жалоб, подтверждаемых китайским посланником в Петрограде, на дурное обращение, недостаточную одежду и прочие претерпеваемые будто бы китайцами у нас тяготы. Китайское правительство озабочено изысканием средств к обеспечению участи этих рабочих-кули и выяснению точного их положения. Предполагается поручить это дело двум чиновникам, специально для того прикомандированным к Китайской [дипломатической] миссии в Петрограде. Только после того, как будет установлено ограждение китайцев от невзгод, будет разрешена дальнейшая вербовка китайских рабочих для России»⁵¹.

Разумеется, в условиях тяжёлой войны, сопровождающейся резким ухудшением материального положения россиян из-за роста цен на предметы первой необходимости, жалоб у трудившихся в стране иммигрантов, в том числе китайских, было более чем достаточно. Вследствие отсутствия тёплой одежды и подходящей сезонной обуви китайцы серьёзно страдали от непривычного

⁴⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1916, д. 35, л. 35–36.

⁵⁰ Там же, д. 33, л. 155.

⁵¹ Там же, л. 157.

для них холодного климата, особенно в зимнее время с наступлением жестоких морозов. Не меньше мучился пришлый люд от режима суровой экономии, который предусматривал строгое нормирование скудных съестных припасов, остававшихся трудовому населению от обязательных военных реквизиций. Несмотря на холод и голод, китайцы болезненно реагировали на малейшие штрафные вычеты из зарплаты, которая была низкой, хотя им предлагали тяжелую работу, не требовавшую особой квалификации. Выполнив её, они нередко получали жалкие гроши, ставившие их на грань нищенского существования. Так, «рабочая группа Центрального Военно-промышленного комитета обратилась к уфимскому областному военно-промышленному комитету с [запросом] о том, как на Надеждинских каменноугольных копиях князя Абамелик-Лазарева была рассчитана партия рабочих-китайцев из 25 чел[овек]. В общей сложности они проработали 132 месяца, за что получили 130 рублей. Двое рабочих из этой партии получили от одного рубля до четырёх. Остальные работали без всякого вознаграждения. Во время производства работ 6 китайцев были наказаны “бамбуками по пяткам” [согласно их устным заявлениям]»⁵².

Задолго до окончания военных действий России на Германском фронте среди китайцев из Владивостока и его окрестностей стал заметен «массовый уход на родину... всегда с наступлением осени начинается [обычный] “перелёт” китайцев, уезжающих к себе домой [в Чифу или Шанхай], чтобы повидаться с семьями и отвезти им свои заработки... Так было до сих пор... Ныне же наблюдается отъезд навсегда... Постараемся же, чтобы не только по их [китайским] рассказам судили о нас по ту сторону Великой китайской стены, но и о том, чтобы материалы для ознакомления двух соседних народов давались... более осведомлёнными, основательно изучившими ту и другую страну лицами, труд которых явится ценным вкладом в [китаеведную] науку и могучим фактором сближения двух [соседних] наций»⁵³.

С прекращением войны России с Германией началось мощное поэтапное движение на восток по Транссибирской железнодорожной магистрали китайских рабочих-контрактников, отчасти побывавших и в прифронтовой полосе, с целью возвращения на родину. Известно, что последняя крупная партия контрактников из 50-тысячной китайской армии труда проследовала по КВЖД в Маньчжурию, в г. Чанчунь⁵⁴. Этим событием завершилось пребывание китайцев в царской России в период Первой мировой войны, ставшей временем небывалого трудового сотрудничества народов двух соседних стран, связанных давней историей торгово-дипломатических отношений с момента заключения Нерчинского договора в 1689 г.

⁵² Далёкая окраина. 1916. 25 ноября. В этой связи не менее любопытен другой факт, характеризующий нравы и обычаи тогдашней российской прессы. Желая привлечь внимание российских промышленников к использованию дешёвого труда китайских рабочих, за которыми давно укрепилась слава трудолюбивых тружеников, «Известия Центра Военно-промышленного комитета» в виде передовицы (без указания автора) задолго до упомянутой публикации напечатали статью, где настойчиво разъясняли прелести «китайского труда» (Забайкальское обозрение. 1915. № 10, 7 декабря. С. 3).

⁵³ Далёкая окраина. 1916. 12 ноября. Подробные сведения, связанные с историей Первой мировой войны, имеются в монографии А.И. Петрова, основанной на огромном фактическом материале, найденном в крупнейших российских архивах (*Петров А.И.* История китайцев в России. 1856–1917 годы. Владивосток, 2003).

⁵⁴ Согласно сообщению из Пекина, 5 января 1917 г. там было подписано франко-китайское соглашение относительно посылки во Францию 35 тыс. китайских рабочих (Далёкая окраина. 1917. 28 ноября/11 декабря).